

Политология. Международные отношения

УДК 323.232:930(=411.21)(045)

М.В. Кирчанов

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛЯЦИИ ЗАПАДНОГО МЕМОРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА В АРАБСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Целью исследования является анализ либеральной версии политики памяти в современном арабском мире. Автор анализирует особенности и основные направления конструирования прошлого арабскими интеллектуалами. Новизна исследования заключается в изучении либеральных трендов в современной мемориальной культуре арабского мира. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии исторической и культурной коллективной памяти. Автор разграничивает концепты «историческая политика» и «политика памяти». Предполагается, что историческая политика проводится политическими элитами и направлена на воспроизводство консервативной стабильности и лояльности. Автор анализирует политику памяти как совокупность практик и стратегий арабских интеллектуалов либеральной ориентации, которые с использованием радикальной гуманитарной эпистемологии конструируют новые версии и формы прошлого, формируя альтернативные мемориальные культуры и каноны. В статье анализируются активность либеральных арабских интеллектуалов в контекстах гетерогенности современной интеллектуальной исторической культуры. В статье также проанализированы попытки трансплантации радикальной гуманитарной эпистемологии как формы ревизии исторической памяти. Предполагается, что либеральная форма политики памяти является одновременно альтернативной и маргинальной, но теоретически и методологически идеи арабских либералов сравнимы и сопоставимы с основными трендами в развитии западной междисциплинарной историографии мемориальных культур.

Ключевые слова: историческая память, арабский мир, модернизация, интеллектуалы, мемориальная культура, культуры памяти, либерализм, секуляризация, гражданский национализм.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-342-352

Ссылка на статью:

Кирчанов М.В. Политика памяти Ближнего Востока: особенности ассимиляции западного мемориального проекта в арабском либерализме // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 3. С. 342–352. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-342-352>

Введение

В первые десятилетия 21 века политически и идеологически мотивированные факты использования исторического прошлого, известные как «историческая политика», стали одним из универсальных инструментов политических элит, применяемых ими в различных целях – от обеспечения и гарантирования собственной легитимности до консолидации того или иного общества. Как явление историческая политика возникла в 1990-е гг., но постепенно, показав свою эффективность, начала активно использоваться элитами и за пределами Европы. Современный Ближний Восток не является исключением, так как правящие элиты активно применяют символические мобилизационные ресурсы прошлого для решения стоящих перед ними задач легитимации и консолидации политических режимов, которые не только проявляют определенные элементы авторитарности, но и могут сталкиваться с дефицитом доверия со стороны собственных граждан. Именно подобная ситуация вынуждает правящие элиты проводить историческую политику, которая в современном арабском мире обладает значительными особенностями, которые отличают ее от аналогичных форм воздействия западных политических классов.

В арабском мире историческая политика лишена институциональных оснований, и поэтому специализированные институты, призванные формировать и продвигать определенные канонические версии исторической памяти и, как результат, национальной идентичности - отсутствуют. Кроме этого, в проведении исторической политики в арабском мире не столь четко и ярко выражена роль гражданских активистов как создателей и хранителей мемориального канона. Вместе с тем историческая политика в арабских странах актуализирует и некоторые общие особенности, которые сближают ее с аналогичными формами политики на Западе. Например, основным форматором памяти на совре-

менном этапе оказываются не профессиональные академические сообщества, средства массовой информации, а виртуальное пространство превращается в площадку для дискуссий относительно исторического прошлого и коллективных национальных памяти.

Цель и задачи статьи

Поэтому целью представленной статьи является анализ исторической политики в современном арабском мире. Принимая во внимание фрагментированность последнего, наличие целого ряда арабских государств, на территории которых элиты проводят свои версии исторической политики, активно сочетаемой с национализмом, автор в данной статье считает необходимым проанализировать неофициальный, но альтернативный, либеральный дискурс исторической политики. Поэтому в число задач статьи входит изучение политики памяти в той версии, в которой она представлена в интеллектуальном дискурсе арабского либерализма; выявление ее основных особенностей и рассмотрение перспектив развития политики памяти в арабском мире в условиях одновременного софункционирования и параллельного развития нескольких версий истории коллективного прошлого.

Терминологический аппарат исследования

Достижение сформулированной цели и решение поставленных задач требуют разграничения дефиниций, используемых в представленной статье. Под исторической политикой в научной литературе понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [32]. В рамках такого восприятия историческая политика воспринимается как прерогатива государства и правящих политических элит. В ряде случаев понятия «историческая политика» и «политика памяти» используются как синонимы, но в представленной статье автор считает необходимым их разграничить, учитывая особенности функционирования коллективной памяти в современном арабском мире. Поэтому «политика памяти» определяется как, с одной стороны, совокупность практик интеллектуального сообщества, направленных на ревизию сложившихся версий памяти, инициированных политическими элитами; а с другой - как множественные попытки интеллектуалов пересматривать, корректировать, подвергать ревизии версии национальной истории не на уровне академической историографии, но в социально значимых культурных и общественных пространствах при помощи средств массовой информации. Таким образом, определения «историческая политика» и «политика памяти» описывают одни и те же процессы, но проводимые различными группами современного социума – соответственно, политическими элитами и интеллектуальными сообществами.

Методология и историография

Представленная статья методологически основана на принципах современной междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении коллективной культурной и исторической памяти [33], проявлением возрастающего и усиливающегося влияния которой в современной исторической науке стал т. н. «мемориальный поворот» [36], изменивший векторы развития гуманитарных наук. В рамках внедрения историографических новаций в современные штудии коллективных представлений о прошлом через призму исторической памяти в число приоритетных тем для исследования вошла коллективная память, представленная ее различными формами и проявлениями – от нарративных и дискурсивных до визуальных [40]. В рамках сложившейся историографической ситуации мемориальный поворот имел широкий круг последствий, но важнейшим его результатом стало то, что он ввел в число приоритетных тем вопросы функционирования механизмов мемориальных культур в контекстах создания коллективного прошлого [12].

Именно подобная проблематика пребывает в центре теоретических штудий, посвященных мемориальным культурам как основе исторической политики. Актуальная историография памяти характеризуется рядом особенностей. Среди приоритетных тем – изучение принципов функционирования коллективной исторической памяти в рамках политики культурной амнезии или попыток конструирования прошлого [17]. В рамках подобной парадигмы историческая политика редуцируется до воображения сообществ [15] или изобретения традиций [39], связанных с национализмом [23]. Именно поэтому для определенной части работ, посвященных политике памяти, характерна ее лока-

лизация в интеллектуальной истории [29]. В условиях узкой специализации исследователей, которые занимаются вопросами исторической памяти, для большинства актуальных работ, посвященных исторической политике, характерна ее редукция до конкретных, национальных версий идеологически и политически мотивированных манипуляций с прошлым [20]. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что формально междисциплинарная историография исторической политики фактически отличается склонностью редуцировать объект исследования тематически и географически [24]. Поэтому, если западная политика памяти изучается системно и регулярно, то проблемы мемориальных культур обществ Востока [30], включая арабский опыт [37], изучены в меньшей степени.

Мемориальная культура: множественность памятей

Исходным мотивом политики памяти в современном арабском мире является признание принципиальной важности исторической памяти в «создании прошлого и будущего наций» [3]. Ахмед аль-Акеди предлагает понимать историческую память как «коллективный нарратив, который можно производить и воспроизводить в соответствии с конкретными представлениями и целями, фокусируясь на одних элементах и пренебрегая другими, а некоторые части предавать забвению, что напоминает процесс перепрограммирования, делая возможным политическое манипулирование памятью, воспринимая одним моменты в исторической памяти народов как менее опасные, чем другие» [3].

Подобная дефиниция исторической памяти, предлагаемая и принимаемая значительной частью современного арабского интеллектуального сообщества, представляет собой не только конструкт, но и фактически является гранд-нарративом, общим местом в актуальной арабской традиции, возникшим в результате трансплантации достижений мемориального поворота в интеллектуальные и культурные контексты Востока. В этом регионе, впрочем, как и в других, «создание воспоминаний и использование памяти всегда носят политический характер, и это более заметно во времена кризиса, конфликта и политического перехода... ситуация на Ближнем Востоке, где история и вытекающие из нее конкретные нарративы, мобилизованные для достижения определенных политических целей» [38], в одинаковой степени оказались применимы как элитами для проведения контролируемой исторической политики, так и интеллектуалами, вовлеченными в политику памяти, направленную на ревизию и деконструкцию ранее предложенных нарративов. Политика памяти в интеллектуальных дискуссиях и дебатах имеет принципиальное значение, когда вовлеченные в процесс акторы пытаются разграничить идентичность, проведя границы или демаркационные линии между идеей «арабизма» и отдельными арабскими политическими и этническими нациями как воображаемыми сообществами. Мухаммед Маула полагает, что историческая память, например в Сирии, сталкивается с экзистенциальной проблемой миграции исторически сложившейся формы идентичности от панарабизма в направлении сирийского национализма. Как результат, рефлексии сирийских интеллектуалов привели к тому, что Дамаск начинает активно продвигать модифицированную версию национального самоопределения, которая содействует тому, что появляется «больше оправданий для того, чтобы быть сирийцем, чем для того, чтобы быть арабом» [31].

В такой ситуации политика памяти может функционировать одновременно в нескольких режимах, которые варьируются от конструирования прошлого до его ревизии и деконструкции, что может быть связано с опытом коллективной политической амнезии [18]. Последняя стала универсальным инструментом как исторического воображения, так и политики памяти [28], чему содействует и то, что арабские общества сформировали свой уникальный опыт забывания, маргинализации и вытеснения истории как травмы, особенно в тех случаях, если это было необходимо для консолидации социума. Эта проблема не уникальна для Сирии, а характерна и для других арабских государств, где коллективная память фактически подвергается подобной социальной и культурной эрозии, связанной с попытками арабских интеллектуалов, начиная с 2010-х гг., консолидировать свои усилия, направленные на «достижение плюрализма и гражданской ответственности, связанных с утратой значения города и отчуждением граждан друг от друга» [8]. Именно поэтому, по мнению другого интеллектуала, Муханны аль-Хабилы, арабизм был настолько важен для исторического опыта арабов в XX веке, что успел стать местом коллективной памяти – причем не единой и консолидированной, но множественной и фрагментированной. Хазем Нахар в связи с этим подчеркивает, что концепция арабизма в большей степени важна с исторической точки зрения как элемент некогда общей мемориальной культуры [34], что и вынуждает интеллектуалов периодически рефлексировать относительно этой

идеологии, но современные дискуссии и размышления утрачивают свой политический смысл, превращаясь в элемент политики памяти и проработки прошлого.

Поэтому в условиях параллельного развития нескольких проектов исторической памяти, отделенных друг от друга как государственными границами, так и идеологическими противоречиями, политика памяти проецирует различные версии арабского формально общего прошлого, которое фактически перестало быть таковым, отражая «широкую культурную поляризацию концепции арабизма» [6]. Подобный поворот в политике памяти на национальном уровне в арабском мире стимулировался как укреплением сирийской идентичности, так и процессом отчуждения интеллектуалов [2], как от политических элит, так и от формально общего культурного и религиозного арабского наследия. Именно поэтому в условиях как политической, так и идеологической фрагментации арабских стран память в современном интеллектуальном дискурсе воспринимается как системный элемент социальной и политической консолидации, что в одинаковой степени вынуждает политические элиты заниматься исторической политикой, стимулируя интеллектуалов предлагать свои альтернативные видения политики памяти, что в арабском мире, как полагает Шериф Хилали, стимулируется гетерогенным характером общества [25]. Если первые направлены исключительно на укрепление и консолидацию режимов, то вторые в большей степени связаны с альтернативными политическими проектами и развитием гражданского общества.

Деполитизация мемориальных культур

Комментируя важность мемориальной культуры для арабского мира, Ахмед аль-Акеди полагает, что в силу негативной социальной и политической динамики арабы утратили значительные пласты своей коллективной памяти, став «народами без памяти» в силу того, что ранние версии коллективной исторической памяти не были направлены на их консолидацию как наций, но решали содержательно иные задачи политических элит, которые были заинтересованы в том, чтобы «лишить нас воли, заставив отказаться от групповой и индивидуальной памяти» [3]. Маен Аль-Бьяри, развивая эту точку зрения, подчеркивает, что, например, в Египте «защита национальной памяти никогда не была заботой египетского государства во все его эпохи» [5]. Аммар аль-Савад полагает, что такая ситуация игнорирования мемориальной культуры стала следствием того, что большинство арабских государств появились во второй половине 20 века [10].

В рамках подобного восприятия истории память современными арабскими авторами может персонифицироваться, а само прошлое редуцируется до социального и исторического времени деятельности, например, Гамалея Абделея Насера, с фигурой которого ливанский поэт Аббас Бейдун склонен связывать национальное возрождение и создание современной нации [14]. В этой ситуации историческая память в арабском мире подвергается постепенной фрагментации, меняя пространства своей локализации, перемещаясь из исторической науки и национальных литератур в направлении массовой культуры, которая «становится средством, осуждающим реальность, вскрывающим ее трещины, политические и социальные компоненты» [7]. Поэтому со стороны интеллектуалов, которые все более остро начинают осознавать свою отчужденность от политики, от процессов принятия и реализации политических решений в отношении элит, регулярно предьявляется претензия, что правящие режимы «вели войны против собственного народа, заключали в тюрьмы и вынуждали граждан покидать свои страны» [7]. Комментируя проблемы исторической памяти, современные арабские интеллектуалы вынужденно указывают на двойственный характер ситуации.

С одной стороны, они склонны воспринимать правящие режимы как недемократические, но с другой, себя позиционируют как представителей гражданских обществ, непропорционально развитых в сравнении с общей политической культурой. Другим не менее важным фактором в мемориальной культуре, с локализацией которого либералы имеют проблемы, является ислам. Шериф Хилали подчеркивает, что фактически современные режимы и арабские национализмы стали следствиями переноса в местные социальные и культурные контексты проекта современности [25], что и предопределило их сложные отношения с политическим исламом в силу того, что для националистов и исламистов характерны различные восприятия исторического времени и, как результат, коллективной памяти. Поэтому Ахмед аль-Акеди, с одной стороны, полагает, что протесты, которые периодически имеют место в арабском мире, свидетельствуют о том, что на национальном уровне гражданские общества не только могут быть активны, но и обладают стабильной коллективной памятью, сфокусированной на продвижении идеи необходимости борьбы против «тьмы нашего настоящего».

Успех последней, как полагают арабские авторы, невозможен без прекращения манипуляций исторической памятью со стороны элит [3].

Подобные протесты, которые вынуждают арабских авторов корректировать свои представления как об историческом прошлом, так и об актуальном политическом настоящем [35], могут быть направлены не только против местных авторитарных режимов, но самой идеи арабизма. Мухаммед Аладдин Абдул Маула полагает, что арабизм начинает отвергаться современными интеллектуалами, а национальные версии исторической памяти стремятся к его негативной мифологизации, связывая арабское и исламское [31]. Ислам становится важным элементом в современной арабской политической памяти только в тех случаях, когда интеллектуалы актуализируют иранский фактор. Рассматривая роль ИРИ в региональной политике, арабские авторы начинают воспринимать ислам как часть арабской исторической памяти, хотя в других случаях религия, в сравнении со светскими идеологиями, им практически неинтересна. Противопоставляя арабский мир и Иран, Хасан аль-Асвад идентифицирует ИРИ в качестве паразитического государства и страны-«упыря», которая стремится разрушить арабскую историческую память, заменив ее шиизмом, воспринимаемым в качестве «сектантского» отклонения [4]. В рамках политики памяти в ее интеллектуальной версии арабские светские интеллектуалы стремятся минимизировать роль ислама, полагая, что «политический ислам появился в арабских странах как еще один аспект идеи арабского национализма [19], который содействовал нашему возвращению в прошлое, так и работал над его восстановлением» [11].

В такой ситуации либеральная версия политики памяти основана на последовательной маргинализации ислама, так как религия ассоциируется с внеисторичностью и невозможностью современной рефлексии относительно прошлого как истории-конструкта. С другой стороны, Шериф Хилали указывает на то, что хотя национализм и является порождением гражданского общества или, как минимум, наличия в том или ином обществе идеи гражданской нации, националисты в арабских странах на протяжении второй половины 20 и начала 21 века были склонны поддерживать авторитарные режимы [25], что, по его мнению, указывает на диспропорции в развитии политической культуры, так как разные сегменты общества в своем политическом выборе руководствуются различными версиями исторической памяти. Последняя, как полагает Аббас Бейдун, фактически институционализовала в арабской мемориальной культуре ситуацию конфликта между национализмом и идеей нации как политического сообщества граждан [13].

Поэтому, с одной стороны, интеллектуалы периодически указывают на конфликт между националистами, как активными участниками авторитарных режимов, и гражданскими активистами. С другой, ситуация подобного конфликта в современной мемориальной культуре автоматически распространяется и на другие периоды истории арабского мира, что содействует политизации и идеологизации восприятия прошлого. Арабскими авторами, которые поднимают в своих текстах проблему мемориальной культуры, признается, что вопросы исторической коллективной памяти, к сожалению, на протяжении второй половины 20 и первой четверти 21 века не обсуждались открыто «в отрыве от лояльности, навязываемой властью и аппаратом власти» [31]. В этом отношении политика памяти становится частным случаем «политических изменений и демократизации, которые выдвинули на первый план безотлагательность поиска способа справиться с наследием политического насилия» [27], которым отягощены мемориальные культуры арабских стран. Для современных арабских авторов в памяти и формируемой в результате манипуляций с ней мемориальной культуре особенно важны именно гражданские моменты, так как именно изменения памяти воспринимаются в качестве основы политического диалога и, как следствие, консолидации общества и прогресса самой идеи гражданской нации в арабском мире, примерами чего, по мнению Ахмеда аль-Акеди, являются Алжир и Марокко [3].

Кризис гуманитарного знания и фрагментация мемориальных культур

Комментируя принципиальное значение исторической памяти для развития наций и национальных идентичностей, арабские интеллектуалы признают, что и политика памяти, и историческая политика в большей степени являются изобретениями западного мира. По мнению Ахмеда аль-Акеди, осознание западными элитами и интеллектуалами важности исторической мемориальной культуры позволило Западу «манипулировать коллективной памятью народов, чтобы впоследствии управлять ими. История обеспечивает нас примерами, когда некоторые европейские страны стимулировали африканские народы изучать их культуры и истории, чтобы облегчить процесс колонизации и разграбления их

ресурсов» [3]. Элиты в ряде арабских стран ассоциируются с противостоянием с гражданским обществом, представители которого признают, что историческая память и те мемориальные культуры, которые она воспроизводит, оказались в состоянии кризиса. Сьяр аль Джамиль указывает на несколько факторов, которые негативно влияют на историческую память в арабском мире.

Первым фактором, по его мнению, является общий кризис гуманитарных исследований в арабских странах. В качестве второго им упоминается консервативная политическая стабильность, которая проявляется в том, что «арабская жизнь переживает очень отсталые политические эпохи, что проявляется в росте идеологической одержимости, преклонении перед героями и контролем со стороны отсталых лидеров, а также в обострении противоречий менталитета, склонного смешивать знание с идеологией, религией с наукой, факты с иллюзиями». Третьим фактором стал кризис арабской модели истории как науки, так как элиты и официальные историки «не заботятся об исторической культуре» [9]. Все эти три фактора в комплексе содействуют кризису исторической памяти. Поэтому историческая память в Сирии, Ираке и Ливии, по мнению Мохаммеда Абу Руммана, развивается как совокупность коллективных и идеологически мотивированных воспоминаний об «ужасающих массовых убийствах и изнурительных гражданских войнах» [1], что отражает общие особенности функционирования коллективной исторической памяти и мемориальной культуры в современном арабском мире [26].

Последний фактор содействует политике памяти, основанной на ее воспроизводстве как коллективной травмы, вынуждающей арабский мир институционализироваться по национальному принципу, что ведет к институционализации ливанской, сирийской, иракской и прочих мемориальных культур. Фрагментация интеллектуальных пространств по национальному признаку ставит перед интеллектуалами задачи по деконструкции старых гранд-нарративов, которые обслуживали более ранние версии исторической памяти. Если на Западе «гуманитарные науки могут создать критическое пространство, где мы размышляем о проблемах и обсуждаем достижения и недостатки нашего и других обществ, деконструируя истории, основанные на нарративах о национальном величии, опровержении исторических доводов о национальном самобытном величии и признании явлений, ранее считавшихся естественными как социальных и культурных конструктов» [22], то современная арабская политика памяти делает только первые шаги в этом направлении, предпринимаемые не элитами, проводящими историческую политику, направленную на закрепление их статуса, но интеллектуалами, которые более свободны в своих манипуляциях с прошлым, памятью и мемориальной культурой.

Комментируя эту особенность политики памяти, американский историк К. Карут подчеркивает, что в основе подобной модели наррации «лежит не только история памяти, но также история травмы и выживания, разрывов в памяти и невозможности простых историй, которые требуют прослушивания в разных культурах и на разных языках, чтобы быть услышанными» [16]. В подобной ситуации политика памяти, проводимая современными арабскими интеллектуалами, нередко сводится к актуализации коллективной травмы, которую арабы получили в результате неравноправного взаимодействия с Западом, в частности – с Францией, которая, по мнению Сакра абу Фахра, «разрушила многие арабские мечты» [21], что вынуждает современных арабских авторов рефлексировать относительно истории как коллективной истории-травмы. В свою очередь Ахмед аль-Акеди полагает, что западный колониализм, с одной стороны, институционализировал особую модель исторической памяти и мемориальной культуры, основанной на неформальной зависимости бывших колоний от Европы, проявлением чего стал ориенталистский дискурс, фактически призванный легитимировать иерархию как политических наций, так и их исторических памятней. С другой, трансплантация идей национализма и нации под влиянием европейского колониализма привела к значительным трансформациям в современной арабской политике памяти, которая становится в большей степени фрагментированной и направленной на институционализации формально арабских, но фактически национальных, коллективных исторических и культурных памятней, воздействие которых на идентичности и мемориальные культуры ограничено границами современных государств.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с функционированием современной либеральной версии политики памяти в арабском мире.

Либеральная политика памяти практикуется не политическими элитами, а интеллектуальными сообществами, а также общественными активистами, вовлеченными в дискуссии относительно арабского прошлого. В этом отношении либеральные тенденции в политике памяти одновременно аль-

тернативны и маргинальны. Альтернативность либеральной исторической памяти состоит в том, что она радикально отличается от официальных нарративов, формирующих государственно санкционированные каноны и версии мемориальных культур, в отдельных арабских странах. Маргинальность либеральной мемориальной стратегии воображения, изобретения и конструирования истории связана с тем, что ее сторонники склонны использовать радикальную гуманитарную эпистемологию, привнесенную ими из западной историографии. Кроме этого, либеральная мемориальная культура в большей степени связана с политическими традициями гражданского национализма и интеллектуальным влиянием постколониализма, нежели с местными, арабскими традициями политической культуры.

В этом контексте становится заметным не только маргинальный и альтернативный характер либеральной формы мемориальной культуры исторической памяти, но и склонность ее сторонников к последовательной ревизии истории. Примечательно, что последняя проявляется не только в механическом пересмотре интерпретаций, но в радикальной ревизии самого механизма формирования исторических представлений, которые формируют канон исторической памяти и национальных мемориальных культур. Эта радикальность проявляется не только в применении модернизма как универсального методологического языка для формирования исторических нарративов, но и в стремлении сторонников либерализма привнести в арабские интеллектуальные культуры элементы секуляризма, что оказывает существенное влияние как на формирование, так и на функционирование мемориальных культур. В целом политика памяти в ее либеральной версии радикально отличается от официальных исторических политик, которые на актуальном этапе применяются и практикуются правящими политическими элитами. Если историческая политика, проводимая политическим классом, в современных политических и социальных реалиях арабского Ближнего Востока направлена на удержание власти элитами и, как результат, консервацию политического пространства, то политика памяти, инициированная интеллектуалами, носит ревизионистский характер, будучи направленной на ревизию и, как следствие, деконструкцию доминирующего канона, основанного на воспроизводстве одновременно консервативной стабильности и устойчивой лояльности относительно политических элит.

Поэтому в современном арабском мире одновременно сосуществуют две культуры исторической памяти, основанные на диаметрально и радикально отличных формах как восприятия прошлого как консервативной стабильности, так и его прочтении как динамично меняющейся современности в рамках проекта модерна, который редуцирует память до совокупности различных интеллектуальных традиций, постоянно подвергающихся как конструкции, так и деконструкции в категориях политической нации и национализма, воспринимаемых в качестве универсальных героев как истории, так и основных форматоров исторической памяти и формируемых в ее рамках мемориальных культур, традиций и канонов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. abu Ramaan M. Tnbbhu wastayqazuu 'ayuha alerb (Абу Руман М. Просыпайтесь, арабы!) / M. abu Ramaan // al-Araby al-Jadeed. 2015. May 4. URL: <https://www.alaraby.co.uk/tnbbhu-wastyqzu-ayha-alerb> (дата обращения: 03.08.2022).
2. abu Shihab R. Al-iastemar waghtirab al-muthaqaf alerby ... ayuhma yuadiy 'iilaa al-akhar! (Абу Шехаб Р. Колониализм и отчуждение арабского интеллигента... одно ведет к другому!) / R. abu Shihab // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 22. URL: <https://www.alaraby.co.uk/podcast/rwaq/alastemar-waghtirab-almthqf-alerby-ayuhma-ywdu-'ila-akahr> (дата обращения: 03.08.2022).
3. al-Akaydi A. Amal al-shueub bayn al-dhaakirat walnisyan (аль-Акеди А. Надежда народов между памятью и забвением) / A. al-Akaydi // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 31. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/amli-alshueub-bin-aldhaakirati-walnsyan> (дата обращения: 03.08.2022).
4. al-Aswad H. Limadha yajib 'an yakun alhl fi suriat erbyaan? (аль-Асвад Х. Почему решение в Сирии должно быть арабским?) / H. al-Aswad // al-Araby al-Jadeed. 2021. July 15. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/lmadha-yjb-an-ykwn-alhl-fy-swyt-erbyaan> (дата обращения: 03.08.2022).
5. al-Biari M. al-Jarayim al-israyiyliat waldhaakirat al-misria (аль-Бьяри М. Израильские преступления и египетская память) / M. al-Biari // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 11. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/aljarayima-ali'israyiyliatu-waldhaakiratu-almisria> (дата обращения: 03.08.2022).
6. al-Habil M. Ghazi al-Qisaybi wamafhum al-eurubi al-akhar (аль-Хабиль М. Гази аль-Кисайби и концепция другого арабизма) / M. al-Habil // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 12. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/ghazi-alqsibi-wmifhumu-aleurubi-alakhar> (дата обращения: 03.08.2022).

7. al-Hasaani A. Musalsal "lmaktubi" al-maghribii... dirama tahtafi bialtaarikh waldhaakira (Аль Хассани А. Марокканский сериал "Le Maktoob"... драма, воспевающая историю и память) / A. al-Hasaani // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 30. URL: [https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/musalsalu-"lmaktuba"-almaghribi-dramatiftfi-bialtaarikh-waldhaakira](https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/musalsalu-) (дата обращения: 03.08.2022).
8. Ali A. Bringing Philosophy and Sociology to the Egyptian Public / A. Ali // TRAFO – Blog for Transregional Research. 2021. April 15. URL: <http://trafo.hypotheses.org/28053> (дата обращения: 03.08.2022).
9. al-Jamil S. Al-earab wthttk al-waey al-taarikhiu (аль-Джамиль С. Арабы и эрозия исторического сознания) / S. al-Jamil // al-Araby al-Jadeed. 2015. July 30. URL: <https://www.alaraby.co.uk/alerb-wthttk-alwey-altarykhy> (дата обращения: 03.08.2022).
10. al-Sawad A. al-Iraq .. khayal al-taarikh wakhtinaq al-jughrafya (аль-Савад А. Ирак: Воображение истории и удущение географией) / A. al-Sawad // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 3. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/alearaqu-khyali-altaarikh-wakhtinaq-aljughrafia> (дата обращения: 03.08.2022).
11. al-Wahb M. Fi al-islam al-siyasii walrabie al-earabii (аль-Вахб М. О политическом исламе и арабской весне) / M. al-Wahb // al-Araby al-Jadeed. 2021. October 7. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/fi-al'iislami-alsiyasi-walrabie-u-alearabiu> (дата обращения: 03.08.2022).
12. Barash J.A. Collective Memory and the Historical Past / J.A. Barash. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 280 p.
13. Baydun A. al-Qawmiat walwataniaat (Бейдун А. Национализм и патриотизм) / A. Baydun // al-Araby al-Jadeed. 2020. October 25. URL: <https://www.alaraby.co.uk/culture/alqawmiatu-walwataniaat> (дата обращения: 03.08.2022).
14. Baydun A. Zaman eabd al-Naasir (Бейдун А. Время Абделя Насера) / A. Baydun // al-Araby al-Jadeed. 2020. December 13. URL: <https://www.alaraby.co.uk/culture/zamna-eibdu-alnasir> (дата обращения: 03.08.2022).
15. Beshara A. Syrian Nationalism: An Inquiry into the Political Philosophy of Antun Sa'adeh / A. Beshara. NY.: Phoenix Publishing, 2011. 342 p.
16. Caruth C. On History and Memory: Cross-Cultural Modes of Listening / C. Caruth // On History and Memory in Arab Literature and Western Poetics / eds. B. Majoul, Y. Amraoui. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 1–11.
17. Cohen A.J. War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015 / A.J. Cohen. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020. 271 p.
18. Dakhliia J. Forgetting History: The Motifs and Contents of Collective Memory in Southern Tunisia / J. Dakhliia. Stanford: Stanford University Press, 2002. 214 p.
19. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair / A. Dawisha. Princeton: Princeton University Press, 2016. 352 p.
20. El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning / R. El-Enany. L. – NY.: Routledge, 1993. 288 p.
21. Fakhr S. Miayat eam ealaa al-hukumat al-earabiat fi dimashq .. malakyt muqayadat wadustur ealmaniu (Абу Фахр С. Сто лет арабского правительства в Дамаске... Ограниченная монархия и светская конституция) / S. Fakhr // al-Araby al-Jadeed. 2020. July 23. URL: <https://www.alaraby.co.uk/miayata-eami-eulaa-alhukumatu-alearabiat-fy-dimashq>
22. Flüchter A. History: An Important but Potentially Dangerous Part of the Humanities / A. Flüchter // TRAFO – Blog for Transregional Research. 2021. May 6. URL: <https://trafo.hypotheses.org/28610> (дата обращения: 03.08.2022).
23. Gelvin J.L. Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire / J.L. Gelvin. Berkeley: University of California Press, 1999. 353 p.
24. Gruenewald T. Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination / T. Gruenewald. Lawrence: University Press of Kansas, 2021. 281 p.
25. Halali Sh. Limadha yadeam hawula' al-qawmiuwn al-earab al-diykturyati? (Халали Ш. Почему арабские националисты поддерживают диктатуры?) / Sh. Halali // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 29. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/limadha-ydiem-hawula'-alqawmiuwn-alearb-aldikturyati> (дата обращения: 03.08.2022).
26. Haugbølle S. Public and Private Memory of the Lebanese Civil War / S. Haugbølle // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2005. Vol. 25. No 1. P. 191 – 203.
27. Haugbolle S., Hastrup A. Introduction: Outlines of a New Politics of Memory in the Middle East / S. Haugbolle, A. Hastrup // Mediterranean Politics. 2008. Vol. 13. No 2. P. 133 – 149.
28. Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia / A. Huyssen. L.: Routledge, 2012. 302 p.
29. Khalidi T. Arabic Historical Thought in the Classical Period / T. Khalidi. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 268 p.
30. Masalha N. The Palestine Nakba: Decolonising History, Narrating the Subaltern, Reclaiming Memory / N. Masalha. NY.: Zed Books, 2012. 320 p.
31. Mawlaa M. Fi al-huiat al-Suwria (Маула М. В сирийской идентичности) / M. Mawlaa // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 29. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/fi-alhuyatu-alsuwria> (дата обращения: 03.08.2022).

32. Miller A. An antagonistic approach to memory politics / A. Miller // Das Wissenschaftsportal L.I.S.A. der Gerda Henkel Stiftung. 2020. April 2. URL: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/memorypolitics_alexeymiller (дата обращения: 03.08.2022).
33. Mitchell P. Imperial nostalgia: How the British conquered themselves / P. Mitchell. Manchester: Manchester University Press, 2021. 244 p.
34. Nahar H. al-Eurubat walwataniat al-Suwria (Нахар Х. Арабизм и сирийский патриотизм) / H. Nahar // al-Araby al-Jadeed. 2020. July 15. URL: <https://www.alaraby.co.uk/aleurubatu-walwataniati-alsuwria> (дата обращения: 03.08.2022).
35. Omri M.S. Representations of History in Times of Revolution / M.S. Omri // On History and Memory in Arab Literature and Western Poetics / eds. B. Majoul, Y. Amraoui. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 12–28.
36. Rieff D. In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies / D. Rieff. Yale: Yale University Press, 2017. 160 p.
37. Rizvi K. The Transnational Mosque: Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East / K. Rizvi. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2015. 296 p.
38. Roccu R., Salem S. Making and Unmaking Memories: The Politics of Time in the Contemporary Middle East / R. Roccu, S. Salem // Middle East Critique. 2019. Vol. 28. No 3. P. 219 – 226.
39. Shukry Khoury Ph. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945 / Ph. Shukry Khoury. Princeton: Princeton University Press, 2014. 721 p.
40. Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence / A. Sodaro. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.

Поступила в редакцию 03.08.2022

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент,
факультет международных отношений, кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран,
исторический факультет, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394068, Россия, г. Воронеж, Московский пр-т, 88, учебный корпус № 8
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

M.V. Kirchanov

POLITICS OF MEMORY IN THE MIDDLE EAST:

ASSIMILATION FEATURES OF THE WESTERN MEMORIAL PROJECT IN ARAB LIBERALISM

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-342-352

The purpose of the study is to analyze the liberal version of the politics of memory in the modern Arab world. The author analyzes the features and main directions of constructing the past by Arab intellectuals. The novelty of the study lies in the analysis of liberal trends in the actual memorial culture of the Arab world. Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography of historical and cultural collective memories. The author distinguishes the concepts of "historical politics" and "politics of memory". It is assumed that "historical politics" is conducted by political elites for the reproduction of conservative stability and loyalty. The author analyzes the "politics of memory" as a number of practices and strategies of Arab liberal intellectuals using radical humanitarian epistemology for construction and promotion of new versions and forms of the past, forming alternative memorial cultures and canons. The article analyzes the activity of liberal Arab intellectuals in contexts of the heterogeneity of modern intellectual historical culture. The article also analyzes attempts to transplant a radical humanitarian epistemology as a form of revision of historical memory. It is assumed that the liberal form of the memorial politics is alternative and marginal simultaneously, but theoretically and methodologically, the ideas of Arab liberals are comparable with the main trends in the development of Western interdisciplinary historiography of memorial cultures.

Keywords: historical memory, Arab world, modernization, intellectuals, memorial culture, cultures of memory, liberalism, secularization, civic nationalism.

REFERENCES

1. abu Ramaan M. Tnbbhu wastayqazuu 'ayuha alerb [abu Ramaan M. Wake up Arabs!] / M. abu Ramaan // al-Araby al-Jadeed. 2015. May 4. URL: <https://www.alaraby.co.uk/tnbbhu-wastyqzu-ayha-alerb> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
2. abu Shihab R. Al-iastiemar waghtirab al-muthaqaf alerby ... ayuhma yuadiy 'iilaa al-akhar! [abu Shihab R. Colonialism and alienation of the Arab intellectual...one thing leads to another!] / R. abu Shihab // al-Araby al-Jadeed. 2022. July

22. URL: <https://www.alaraby.co.uk/podcast/rwaq/alastemar-waghrab-almthqf-alerby-ayuhma-ywdy-'ila-alakhr> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
3. al-Akaydi A. Amal al-shueub bayn al-dhaakirat walnisyan [al-Akaydi A. Hope of nations between memory and oblivion] / A. al-Akaydi // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 31. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/amli-alshueub-bin-aldhaakirati-walnsyan> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
4. al-Aswad H. Limadha yajib 'an yakun alhl fi suriat erbyaan? [al-Aswad H. Why should the solution in Syria be Arab?] / H. al-Aswad // al-Araby al-Jadeed. 2021. July 15. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/lmadha-yjb-an-ykwn-alhll-fy-swryt-erbyaan> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
5. al-Biari M. al-Jarayim al-israyiyliat waldhaakirat al-misria [al-Biari M. Israeli crimes and Egyptian memory] / M. al-Biari // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 11. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/aljarayima-ali'iisrayiyliatu-waldhaakiratu-almisria> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
6. al-Habil M. Ghazi al-Qisaybi wamafhum al-eurubi al-akhar [al-Habil M. Ghazi al-Qisaybi and the concept of another Arabism] / M. al-Habil // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 12. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/ghazi-alqisibi-wmifhumu-aleurubi-alakhar> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
7. al-Hasaani A. Musalsal "Lmaktubi" al-maghribii... dirama tahtafi bialtaarikh waldhaakira [al-Hasaani A. Moroccan series "Le Maktoob"... a drama that celebrates history and memory] / A. al-Hasaani // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 30. URL: [https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/musalsalu-"lmaktuba"-almaghribi-drama-tihtfi-bialtaarikhu-waldhaakira](https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/musalsalu-) [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
8. Ali A. Bringing Philosophy and Sociology to the Egyptian Public / A. Ali // TRAFO – Blog for Transregional Research. 2021. April 15. URL: <http://trafo.hypotheses.org/28053> [accessed: 03.08.2022].
9. al-Jamil S. Al-earab wthttk al-waey al-taarikhiu [al-Jamil S. Arabs and the erosion of historical consciousness] / S. al-Jamil // al-Araby al-Jadeed. 2015. July 30. URL: <https://www.alaraby.co.uk/alerb-wthttk-alwey-altarykhy> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
10. al-Sawad A. al-Iraq .. khayal al-taarikh wakhtinaq al-jughrafya [al-Sawad A. Iraq: The Imagination of History and the Suffocation of Geography] / A. al-Sawad // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 3. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/alearaq-khyali-altaarikhu-wakhtinaqu-aljughrafia> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
11. al-Wahb M. Fi al-islam al-siyasii walrabie al-earabii [al-Wahb M. On Political Islam and the Arab Spring] / M. al-Wahb // al-Araby al-Jadeed. 2021. October 7. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/fi-al'iislami-alsiyasi-walrabie-u-alearabiu> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
12. Barash J.A. Collective Memory and the Historical Past / J.A. Barash. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 280 P.
13. Baydun A. al-Qawmiat walwataniaat [Baydun A. Nationalism and patriotism] / A. Baydun // al-Araby al-Jadeed. 2020. October 25. URL: <https://www.alaraby.co.uk/culture/alqawmiatu-walwataniaat> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
14. Baydun A. Zaman eabd al-Naasir [Baydun A. Abdel Nasser time] / A. Baydun // al-Araby al-Jadeed. 2020. December 13. URL: <https://www.alaraby.co.uk/culture/zamna-eibdu-alnasir> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
15. Beshara A. Syrian Nationalism: An Inquiry into the Political Philosophy of Antun Sa'adeh / A. Beshara. NY: Phoenix Publishing, 2011. 342 p.
16. Caruth C. On History and Memory: Cross-Cultural Modes of Listening / C. Caruth // On History and Memory in Arab Literature and Western Poetics / eds. B. Majoul, Y. Amraoui. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 1–11.
17. Cohen A.J. War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015 / A.J. Cohen. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020. 271 p.
18. Dakhliia J. Forgetting History: The Motifs and Contents of Collective Memory in Southern Tunisia / J. Dakhliia. Stanford: Stanford University Press, 2002. 214 p.
19. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair / A. Dawisha. Princeton: Princeton University Press, 2016. 352 p.
20. El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning / R. El-Enany. L . – NY.: Routledge, 1993. 288 p.
21. Fakhr S. Miayat eam ealaa al-hukumat al-earabiat fi dimashq .. malakyt muqayadat wadustur ealmaniun [Fakhr S. One Hundred Years of Arab Government in Damascus... Limited Monarchy and Secular Constitution] / S. Fakhr // al-Araby al-Jadeed. 2020. July 23. URL: <https://www.alaraby.co.uk/miayata-eami-eulaa-alhukumatu-alearabiat-fy-dimashq> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
22. Flüchter A. History: An Important but Potentially Dangerous Part of the Humanities / A. Flüchter // TRAFO – Blog for Transregional Research. 2021. May 6. URL: <https://trafo.hypotheses.org/28610> [accessed: 03.08.2022].
23. Gelvin J.L. Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire / J.L. Gelvin. Berkeley: University of California Press, 1999. 353 p.
24. Gruenewald T. Curating America's Painful Past: Memory, Museums, and the National Imagination / T. Gruenewald. Lawrence: University Press of Kansas, 2021. 281 p.
25. Halali Sh. Limadha yadeam hawula' al-qawmiuwn al-earab al-diyktatoryati? [Halali Sh. Why do Arab nationalists support dictatorships?] / Sh. Halali // al-Araby al-Jadeed. 2022. July 29. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/limadha-ydiem-hawula'-alqawmiuwn-alearb-aldiktatoryati> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)

26. Haugbølle S. Public and Private Memory of the Lebanese Civil War / S. Haugbølle // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2005. Vol. 25. No 1. P. 191 – 203.
27. Haugbolle S., Hastrup A. Introduction: Outlines of a New Politics of Memory in the Middle East / S. Haugbolle, A. Hastrup // *Mediterranean Politics*. 2008. Vol. 13. No 2. P. 133 – 149.
28. Huyssen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia* / A. Huyssen. L.: Routledge, 2012. 302 p.
29. Khalidi T. *Arabic Historical Thought in the Classical Period* / T. Khalidi. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 268 p.
30. Masalha N. *The Palestine Nakba: Decolonising History, Narrating the Subaltern, Reclaiming Memory* / N. Masalha. NY: Zed Books, 2012. 320 p.
31. Mawlaa M. *Fi al-huiat al-Suwria* [Mawlaa M. In Syrian identity] / M. Mawlaa // *al-Araby al-Jadeed*. 2022. July 29. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/fi-alhuyatu-alsuwria> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
32. Miller A. An antagonistic approach to memory politics / A. Miller // *Das Wissenschaftsportal L.I.S.A. der Gerda Henkel Stiftung*. 2020. April 2. URL: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/memorypolitics_alexeymiller [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
33. Mitchell P. *Imperial nostalgia: How the British conquered themselves* / P. Mitchell. Manchester: Manchester University Press, 2021. 244 p.
34. Nahar H. *al-Eurubat walwataniat al-Suwria* [Nahar H. Arabism and Syrian patriotism] / H. Nahar // *al-Araby al-Jadeed*. 2020. July 15. URL: <https://www.alaraby.co.uk/aleurubatu-walwataniati-alsuwria> [accessed: 03.08.2022] (in Arab)
35. Omri M.S. Representations of History in Times of Revolution / M.S. Omri // *On History and Memory in Arab Literature and Western Poetics* / eds. B. Majoul, Y. Amraoui. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 12–28.
36. Rieff D. *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies* / D. Rieff. Yale: Yale University Press, 2017. 160 p.
37. Rizvi K. *The Transnational Mosque: Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East* / K. Rizvi. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2015. 296 p.
38. Roccu R., Salem S. Making and Unmaking Memories: The Politics of Time in the Contemporary Middle East / R. Roccu, S. Salem // *Middle East Critique*. 2019. Vol. 28. No 3. P. 219–226.
39. Shukry Khoury Ph. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945* / Ph. Shukry Khoury. Princeton: Princeton University Press, 2014. 721 p.
40. Sodaro A. *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence* / A. Sodaro. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 226 p.

For citation:

Kirchanov M.V. Politics of memory in the Middle East: assimilation features of the Western memorial project in Arab liberalism // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 3. P. 342–352. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-342-352> (In Russ.).

Received 03.08.2022

Kirchanov M.V., Doctor of History, Associate Professor
Faculty of International Relations, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries,
Historical Faculty, Department of Foreign Countries History and Oriental Studies
Voronezh State University
Moskovsky pr-t, 88/8, Voronezh, Russia, 394068
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com